Захаров С.

6.02.93

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Историко-филологические дисциплины

Сергей Захаров:

Блатные песни не по мне

Труд.–1993.–6 февр.–С.1,7.

Популярный эстрадный артист мечтает о партии Евгения Онегина

КАРЬЕРА этого певца удивительна. Блестящий взлет в середине 70-х годов поставил совсем молодого артиста едва ли не вровень с популярнейшими тогда Львом Лещенко, Валентиной Толкуновой, Юрием Гуляевым... Концерты в переполненных залах, трансляции по телевидению, съемки в кино (помните милый, изящный мюзикл «Небесные ласточки»?) — ничто не предвещало грядущей драмы. И вдруг обрыв, пауза, пустота...

Сергей Захаров в конце концов вернулся к своей публике. Вернулся таким, каким она знала его раньше, — и... совсем другим. Нет, голос и внешность ничуть не померкли, наоборот, даже, кажется, стали еще более эффектными. Но это уже не баловень судьбы, не капризный прима-мальчик, но — зрелый человек, познавший жизнь не только с парадной стороны, открывший для себя истинную цену ее радостям и горестям.

— Сергей, в последние годы пресса, ТВ как-то не очень щедры на интервью с вами. В чем тут дело? То ли вы вошли в «полосу устойчивости», жизненной и творческой, перестав потчевать журналистов скандалами, сенсациями, «жареными фактами»? То ли, простите, настали «не ваши времена» в искусстве?

— Вы знаете, я, наверное, удивлю вас своей откровенностью, но — да, в каком-то смысле настали именно «не мои времена». Сейчас ведь что модно — чернуха! Артисты словно соревнуются друг с другом в смаковании темных сторон нашей жизни. В ходу блатные песни, полууголовный фольклор,— говорят, это хорошо «продается».

Ну вот, а мне, представьте, не хочется во всем этом участ-

(Окончание на 7-й стр.)

БЛАТНЫЕ ПЕСНИ НЕ ПО МНЕ

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

вовать. Думаете, я не смог бы «перестроиться», если бы захотел? Да проще простого! Мой порог постоянно обивают композиторы, они буквально заваливают меня своей конъюнктурной продукцией. Остается лишь чуть-чуть изменить тембр голоса, подбавить в него слезы, взять тексты на грани «фола» — и дело сделано. Только вот одной мелочью для этого бы пришлось пожертвовать: совестью своей.

— Но зато на улице теперь не каждый вас узнает...

— Допустим, не каждый — через одного...

— И клипы ваши по телевидению не увидишь. А у тех, кого вы так страстно не приемлете, они идут косяками, да шикарные, с претензией снятые...

— Ну да, только вот идет ли потом косяком на концерты этих артистов публика? Клип ведь — дело тёмное, тут пение закамуфлировано «гримом» электроники. А потом на живом концерте и выясняется, что король-то голый. Нет уж, я предпочитаю экранному успеху успех в концертном зале. Оно, по-моему, честнее. Вот как Георг Отс, помните? Он вовсе не рвался на телеэкран, но стоило объявить его концерт — и аншлаг был обеспечен.

Однако концертная, гастрольная работа — это только одна ипостась моей сегодняшней жизни. Есть и другая: в последнее время меня все более привлекает оперная классика, которой упорно занимаюсь. И, может быть, сбудется наконец моя давняя мечта: спеть в Малом оперном театре партию Евгения Онегина.

— Но ведь это риск — такая смена амплуа.

— Почему смена? Я всегда был «голосовым», а не микрофонным певцом. Для меня опера — высшее проявление музыки, ведь и Гнесинский институт я заканчивал по специальности «оперное пение». Мною напето множество арий на пластинки. И сейчас, поверьте, иногда безумно жалею, что когда-то отдал предпочтение эстраде. Ее лавры так недолговечны, так быстро вянут! Лишь единицам — таким, как Фрэнк Синатра или наш Иосиф Кобзон — дано здесь удержаться на гребне. Остальных этот прожорливый зверь безжалостно проглатывает, не оставляя и воспоминаний о них... И сегодня, положа руку на сердце, я готов сознаться, что (не сочтите это за кокетство) в эстраде-то по сути ничего нового не открыл.

— Ничего себе признание...

— Да-да, просто хорошо делал то, что и до меня неплохо делали другие. Увы, в то время, когда я начинал, оперная карьера с почти полной неизбежностью означала нищету. Это только сейчас оперные певцы — и то не все, а лишь самые выдающиеся, как, например, наш питерец Сергей Лейферкус, — начинают завоевывать подобающее им место под солнцем...

Но сегодня мне 42, и я могу наконец себе позволить заниматься тем, что мне действительно дорого.

— Однако ведь и романс — не такая уж безнадежно «выработанная» жила. Вспомните, как всколыхнул публику несколько лет назад Александр Малинин.

— Всколыхнуть-то всколыхнул. Но ведь это по существу уже не был настоящий городской русский романс. Это была компиляция, хаотическое смешение стилей, интонаций — то есть опять-таки конъюнктура. И не случайно интерес к малининским «романсам» за последнее время резко упал...

— Вы действительно финансово независимы теперь?

— Мне не нужны пять вилл и десять мерседесов. Зато у меня хорошая семья — с возрастом это начинаешь ценить едва ли не больше, чем все остальное. Вот полгода назад появилась внучка. Хозяйство завел в Зеленогорске под Питером...

— Сергей, в вашей жизни всякое случалось, вот и с уголовным миром вам пришлось столкнуться. Я думаю, наше интервью будет неполным, если мы не вспомним о той нашумевшей криминальной истории, что случилась с молодым Захаровым в конце 70-х.

— В одна тысяча девятьсот семьдесят седьмом году вышел у нас внутри коллектива конфликт с администратором. Мне было тогда двадцать шесть лет, ему — лет двадцать восемь. В таком возрасте это происходит сплошь и рядом — обычная разборка двух мужиков. Дали друг другу по физиономии и разошлись — все! Вдруг проходит дня три-четыре, ко мне подлетает директор мюзик-холла и говорит: «На тебя такие письма пошли в обком партии!» В общем, последовала из этого самого обкома команда — срочно завести уголовное дело. Подумать только, элементарной дракой занялся прокурор города! Задействованы были колоссальные силы; один из следователей, между прочим, обмолвился мне: «Не могу понять — кому же вы так сильно насолили?!» Состоялся суд, я был признан виновным по статье 193-й, часть первая — пресечение служебной деятельности лица, находящегося при исполнении служебных обязанностей. Получил год. В тюрьме отсидел семь с половиной месяцев.

Теперь-то я понимаю: задача была — продемонстрировать всему советскому народу, что в городе Ленина и Романова все равны перед законом, свято чтут его (тогда ведь как раз предстояло принятие самой

справедливой, гуманной, демократичной брежневской Конституции).

Но зато и сразу после моего выхода из заключения последовало указание: помочь! Во всяком случае, Кириченко, тогдашний первый секретарь Одесского обкома партии, вызвал меня, дал работу. Год я пел в Одесской филармонии, вернулся в Ленинградский мюзик-холл, а еще через год мною вновь заинтересовалось телевидение. Думаю, опять-таки не без помощи обкома. Видимо, и для них существовали какие-то святые вещи — ведь не могли же они не понимать, что я пострадал практически ни за что.

— Нет худа без добра: появилась криминальная легенда...

— И свою коммерческую функцию она выполнила: до сих пор ведь у нас нет более полезной раскрутки, чем реклама, так сказать, уголовная. «Звезды» наши спят и видят, как бы погуще взбить пену вокруг криминальных акций против себя, реальных или мнимых ограблений, рэкета.

Но — ох, лучше бы мне в своей жизни обойтись без такой рекламы!..

— И все же, Сергей, выходит, что сегодня вы организовали круговую оборону, ушли, так сказать, в подполье. Но ведь это позиция по сути пассивная: ждать, когда пройдет дурная мода и люди вновь обратятся к вечным ценностям.

— Давайте будем реалистами. Чтобы мне сегодня выйти, как вы изволили выразиться, из обороны, нужны... Идеи? — скажете вы. Идеи есть, не в них загвоздка. Элементарно нужны деньги. Увы, нынешние бизнесмены любят «быстрые бабки», а на мне их не сделаешь.

И все-таки я верю: пройдет этот дикий период первоначального накопления. Деловые люди научатся не только брать у своего народа, но и отдавать ему.

— Думаете, доживем?

— Если бы я не верил в человеческое благородство, разве стал бы о нем петь?

Вел интервью
Михаил САДЧИКОВ.
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ.

ый ракурс